

Светлана Силантьева

Мифы о боли

Слабонервным не читать!

18+

Светлана Силантьева

**Мифы о боли.
Слабонервным не читать!**

«Автор»

2000

Силантьева С.

Мифы о боли. Слабонервным не читать! / С. Силантьева —
«Автор», 2000

ISBN 978-5-532-98686-2

Душевная боль – что может быть страшнее? А физическая - это так же плохо?
Что делать, как пережить страдания, если боль причинили незаслуженно? Или
ранят близкие люди?

ISBN 978-5-532-98686-2

© Силантьева С., 2000

© Автор, 2000

Содержание

Убей Кристину!	5
1	5
2	9
3	12
4	14
Носки мёртвого сына	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Светлана Силантьева

Мифы о боли. Слабонервным не читать!

Убей Кристину!

1

Погода стояла чудесная. Даже слишком. Не подходящая случаю. Да и вообще, всё было как-то неправильно. Гроб – хлипкий, покойник – довольный, вдова – задумчивая.

Следователь Терёхин, по совместительству ближайший друг покойного, вслед за остальными взял горсть сухой земли и кинул в могилу. Замер, прислушиваясь к гулкому стуку земли о крышку гроба. Через минуту его бесцеремонно оттеснили в сторону – проводить покойного пришла тьма народу. Как же! Сам генеральный директор завода железобетонных конструкций упокоился!

Вернее, упокоили его, сердешного. Помогли, так сказать, встретиться с праотцами до срока. Фокин Юрий Михалыч, тридцати пяти лет отроду, был застрелен собственной секретаршей у себя в кабинете. Охрана даже дёрнуться не успела. Ну хоть повязали убийцу да пистолет отняли, не дали покончить с собой. Вот она, сермяжная правда.

Терёхин встал рядом с вдовой и взял её под руку. Женщина была на сносях. Вот-вот должен был родиться долгожданный наследник многомиллионного состояния. Десять лет супруги Фокины обивали пороги лучших клиник, как российских, так и зарубежных. Десять лет и шесть неудачных попыток ЭКО, пока, наконец, седьмая не сработала.

Терёхину вдруг вспомнился день, когда Юрий собрал их у себя в кабинете и достал из ящика первую бутылку дорожущего коньяка. Как, счастливые и пьяные в хлам, они скупили цветы во всех ближайших цветочных палатках и поехали в клинику поздравлять Марину. Вспомнил, как ввалились в приёмный покой и как ругалась на них санитарка у входа, а Юра в ответ на её ругань полез к ней с объятьями и пьяными поцелуями. То-то бабулька порадовалась на старости лет!

А теперь Марина с посеревшим осунувшимся лицом в чёрном балахонистом платье наблюдает, как два молодых крепких парня споро закапывают гроб с её Юрочкой.

– Возлагайте цветы, – тихо скомандовал один из парней. Люди начали вереницей подходить к свеженасыпанному могильному холму и класть венки и цветы. Парни тут же деловито поправляли ленточки на венках, а букеты гвоздик и роз выкладывали красивым веером.

Наконец церемония возложения закончилась. Народ расселся по автобусам и автомобилям. Ещё предстояли поминки в самом дорогом ресторане города.

– Терёхин, – от тихого хриплого голоса Марины следователь вздрогнул, – помоги подойти. Хочу с Юрочкой наедине попрощаться.

– Идём, конечно, – Терёхин одной рукой приобнял Марину за талию и почти пронёс её на себе к могиле друга.

На месте женщина отстранилась от Терёхина.

– Спасибо, Коленька. Оставь. Я одна хочу побыть.

Терёхин с тревогой заглянул в лицо Марине. Держится! Да она всегда сильная была. Кремень! Что бы ни случилось – ни слезинки, ни повышенного голоса, ни грубого высказывания. Всё сдержанно, разумно, с лёгкой уверенной улыбкой на красивом холёном лице. Все вопросы решаемы. Все желания исполнимы. Всё ей по плечу. Даже весть о смерти Юры встре-

тила с каменным лицом – волноваться ей нельзя. Ребёночка побережь надо. Юрочка ведь так его хочет!

Сделал несколько шагов назад и напряжённо замер, готовый в любую минуту прийти на помощь вдове друга.

Марина несколько мгновений молча стояла, а потом рухнула на могилу мужа. И завывала, запричитала так страшно, что у Терёхина волосы стали дыбом и перехватило дыхание. Но двинуться с места он не мог – словно невидимая сила удерживала его на месте, пока женщина изливала своё горе.

Наконец рыдания стихли.

– Терёхин, убей эту тварь, – страшный глухой голос Марины нельзя было узнать. – Женщина всё ещё обнимала могильный холм и щекой прижималась к венку. – Терёхин, слышишь! Убей её! Я знаю, ты можешь!

Следователь отмер, в два шага преодолел расстояние до могилы. Марина подняла голову и посмотрела на него затуманенным взглядом.

Лицо её было страшным.

Решительным.

– Убей её! Слышишь? Убей!

– Пойдём, Мариночка! – Терёхин поднял хрупкую, почти невесомую женщину. – Ты сама не понимаешь, что сейчас говоришь.

Марина вырвалась из рук следователя и топнула ногой. Огромный живот заколыхался под чёрным балахоном, перепачканным могильной землёй. Ладони сжимались и разжимались в кулаки в такт словам, ноздри раздувались. От бледности на лице не осталось и следа. Сейчас оно было багровым.

– Убей её! Я всё знаю про ваши грязные делишки! Я всё знаю про вашу шайку-лейку! Вы и не такое проворачивали! Убей её или я сделаю это сама!

– Мариночка, успокойся! Не надо так! Ты ребёночку навредишь!

– Ааааа! – дико завывала женщина. – Про ребёночка вспомнил! Мразь, мразь, мразь! Ты первый узнал, что мой Юрочка сношается с этой шлюхой, и ничего не сделал! И она убила его! Ааааа! Теперь ты обязан убить её! Вы думали, что я ничего не знаю? Знаю всё про вас! Ааааа! Юрочка, любимый мой, хороший мой! Аааа! Как же мне жить без тебя, родненький мой? Аааа!

Терёхин беспомощно огляделся по сторонам. Процессия автобусов и автомобилей уже выезжала из ворот кладбища. У часовни осталась только машина Марины, на которой он привёз вдову на похороны. Слава богу, кажется, никто не видит и не слышит истеричные крики Марины.

Следователь решительно подхватил бьющуюся в истерике женщину и подтащил к машине. Щёлкнул центральным замком и открыл с пульта багажник – там должна быть аптечка. Всё ещё держа беснующуюся и рыдающую Марину под грудью, выше беременного живота, выудил пластиковую коробочку с красным крестом. Швырнул её на землю – бесполезная! Ещё пошарил в багажнике и, наконец, достал пластиковую бутылку с питьевой водой. Отвинтил синюю крышку зубами и плеснул в лицо Марине водой. Женщина тут же молча обмякла в руках Терёхина.

– Всё?

– Да, – Марина утвердительно кивнула. И уже своим обычным голосом продолжила:

– Живот болит. Дай попить. Нехорошо мне что-то, Коленька. Жарко.

Терёхин ослабил хватку. Теперь он лишь слегка поддерживал за поясицу качающуюся в изнеможении женщину, не давая ей упасть.

– Может, в машину сначала сядешь?

– Давай, – послушно кивнула Марина. Терёхин осторожно устроил её на заднем сиденье и дал бутылку с водой.

Женщина жадно приникла к горлышку. Потом налила себе немного воды на ладонь и смочила лицо.

– Ну как ты? – Терёхин с тревогой всматривался в лицо Марины, ища в нём признаки надвигающейся новой истерики.

– Нормально. Спину ломит. Прилечь хочется.

– А ты ложись! Машина большая. Давай пиджак подложу.

Терёхин быстро скинул пиджак, свернул и осторожно устроил на нём голову Марины.

– Спасибо! – лицо женщины разгладилось.

– Поехали, что ли? – он приготовился закрыть дверь машины.

– Терёхин!

– А?

– Погоди.

– Что такое?

– Коль, ты хорошо меня знаешь?

– Ну? А что? – Терёхин напрягся, всё ещё держась за ручку двери.

– Нет, Коленька, не знаешь ты меня. И никто не знает. Даже Юрочка не знал меня настоящую.

Огромные голубые глаза Марины снова наполнились слезами. Но женщина сдержала рыдания и продолжила:

– Если я хочу чего-то, то всегда получаю. Всегда! Понимаешь? – она погладила большой живот. – Так вот, если ты не убьёшь эту тварь, то я сделаю это сама. Доберусь до неё где угодно. И ничего ты мне не сделаешь. Понял? И никто мне не сделает!

– Хорошо, Мариночка, – кивнул следователь, – мы с тобой обсудим это позднее. А сейчас пора ехать, пока нас не хватились. Только сплетен тебе сейчас не хватало. Городок у нас небольшой, разговоров не оберёшься.

– Начхать мне на сплетни и пересуды, – зло рявкнула Марина. – Поехали.

Из протокола допроса:

Степанова Кристина Олеговна, 1991 года рождения; паспорт; проживающая по адресу; личность установлена.

Вопрос следователя (В.С.):

– Кристина Олеговна, поясните, как, где, при каких обстоятельствах вы познакомились с Фокиным Юрием Михайловичем?

Ответ подозреваемой (О.П.):

– Мы с Юрой, Юрием Михайловичем Фокиным, познакомились в ночном клубе. Точно дату не вспомню. Прошлым летом. В конце июля. Кажется. Он предложил подвезти меня до дома. А что тут такого? Я и согласилась.

В.С.: – Сколько раз это было?

О.П.: – Не помню. Много раз.

В.С.: – Дальше как развивались ваши отношения?

О.П.: – Ну, как обычно в таких случаях. Сначала он просто меня до дома подвозил. Потом пригласил в клуб, потом в ресторан, потом на съёмную квартиру. Ну так мы и встречались. А потом он сказал, что ему нужна новая секретарша. Спросил: «Хочешь?» Ну, я и согласилась. А чего мне терять? Мужик он видный, зарплату хорошую пообещал.

В.С.: – Что входило в ваши обязанности?

О.П.: – Чай, кофе гостям принести, передать документы на подпись. Забрать документы, которые Юрочка, Юрий Михайлович, уже подписал, и передать их помощнику, Новицкому Роману Георгиевичу.

В. С. – Как долго вы у него проработали?

О.П.: – Да пока он не узнал, что жена его, Маринка, забеременела. Это в ноябре было. Юрочка тогда как с ума сошёл. Сказал, чтобы убиралась я. И конверт с деньгами кинул мне на стол. Сказал, чтобы через пять минут духу моего уже не было в его офисе.

В.С.: – А вы что сделали?

О.П.: – Я сначала ничего не поняла. Потом заплакала и стала умолять не бросать меня. Ведь мы так любим друг друга. Юрочка мне говорил, что скоро бросит свою старую жену, потому что она родить ему не может. А я рожу ему ребёночка. Я молодая, сильная. Но он слушать меня не стал. Приказал охране выставить меня из офиса. Я только деньги и успела со стола схватить.

2

Несколько месяцев до похорон

– Мариночка! У меня для тебя подарок! – весело закричал Юрий с порога, едва войдя в дом. – Иди сюда скорее!

– Иду! – Марина вышла к супругу, кутаясь в тёплую длинную кофту. Беременность была ещё не заметна – третий месяц всего. Но женщина вся светилась от счастья. Такого долгожданного.

– Одевайся! – он уже держал в руках шубку жены. – Скорее!

– Вот нетерпеливый! Иду!

Супруги вышли во двор их загородного дома. Уже опустились ранние зимние сумерки, и посёлок освещался фонарями и яркой новогодней иллюминацией.

– Закрой глаза! И пойдём!

– Закрыла! Только как я идти буду? Упаду ещё!

– Не упадёшь! Я тебя поведу! – Юрий встал за спиной супруги и закрыл ей лицо своими руками. С хохотом они дошагали до белого внедорожника, стоящего у центральных ворот. Автомобиль был обклеен блестящими разноцветными бантами. На капоте сидел огромный плюшевый медведь, держащий в лапах бархатное красное сердце.

– Опа! – Юрий убрал руки с глаз супруги.

– Вот это да! – радостно захлопала в ладоши Марина. – Спасибо, милый!

– Нравится машина?

– Конечно!

– Ну поцелуй скорей папочку!

– Будущего папочку, – ласково поправила Марина супруга и нежно поцеловала в губы.

– Марина, смотри, что у медведя в лапах.

– Юр, ты же понимаешь, сама я никак не достану. Давай ты.

Юрий снял медведя с капота и поднёс к жене.

– Вау, смотри, Марин, а сердце-то с секретом! Там кармашек! Давай посмотри, что в нём?

Женщина сунула руку в кармашек на сердце и достала красную бархатную ювелирную коробочку.

– Юра, ты с ума сошёл! – в радостном предвкушении воскликнула Марина.

– Открывай скорей!

Женщина нажала на кнопочку. Коробочка открылась, являя взору вместо кольца клочок серой бумаги. Юрий застыл в недоумении всё ещё с плюшевым медведем в руках.

Марина достала бумажку, развернула и стекла в обморок. Прямо в сугроб.

Юрий отшвырнул медведя. Присел, выхватил записку из руки жены и сунул её в карман дублёнки. Потом поднял супругу на руки и занёс в дом. Пока снимал шубку и укладывал на диван, она пришла в себя и тихонько заплакала. Юрий редко видел свою жену плачущей. Очень редко. По пальцам можно пересчитать. И от этого её тихий плач показался ему предвестником несчастья. Защемило сердце.

– Милая, я ничего не понимаю! Там должно было быть кольцо с бриллиантом. То самое, которое тебе понравилось на прошлой неделе.

– Там написано, там написано, – всхлипывала Марина, уткнувшись в ладони.

Юрий достал бумажку из кармана. Развернул. Всего несколько слов:

«Юра любит меня. А ты и твой убудочный ребёнок скоро сдохнете».

В голове у мужчины помутилось. Он сразу догадался, кто автор записки. Кристина так и не успокоилась. Маленькая дрянь! И как она только сумела подсунуть бумажку? Эх, жаль охрану отпустил. Решил дать ребятам выходные на Новый год.

– Бред какой-то! Мариш, наверное, это кто-то неудачно подшутил. Или напутал. Новый год ведь! Пьяных полно. Вон, у всех соседей, в каждом дворе гулянка. Гостей из города понаехало, понапились все, вот и сходят с ума. – Юрий снял дублёрку, незаметно сунув бумажку во внутренний карман. Чуть позже он разберётся с этой маленькой дрянью. А пока надо жену успокоить. А то чего доброго от волнения скинет ребёнка.

– Это не шутка! Я чувствую! Юрочка! Страшно мне! Ведь так долго ребёночка ждали! Боюсь снова потерять малыша. Больше не могу пытаться. Сил моих нет!

Марина жалобно посмотрела на мужа, ища у него поддержки.

Юра сел рядом с женой на диван и обнял её.

– Не волнуйся. Всё хорошо. Это просто чья-то глупая шутка. Скоро все протрезвеют и всё будет хорошо. Ты родишь хорошенького мальчика, и мы назовём его Александром. В честь Александра Македонского.

Но ничего хорошо не стало.

Из протокола допроса:

В.С.: – Кристина Олеговна, поясните, каким образом вот эта записка с угрозами попала вот в эту коробочку?

О.П.: – Когда Юрочка выгнал меня так грубо из офиса, я сразу поехала домой. Обидно было. Что Маринку он так и не бросил, хотя и обещал. А через некоторое время я узнала, что беременная я. От Юрочки любимого. И не справедливо получается. У Маринкиного ребёнка, значит, и богатство будет, и отец. А мы с ребёночком бедными должны оставаться. Это разве справедливо, господин следователь? Скажите!

В.С.: – Давайте вернёмся к записке. Вы сами, Кристина Олеговна, пришли к мысли подкинуть записку или кто подсказал?

О.П.: – Да никто мне не подсказывал! Сама догадалась. По телевизору кино посмотрела, как девушка решила, что не оставит своего любимого. Будет добиваться его любви.

В. С. – Ну как, добилась?

О.П.: – Конечно! Она ему записки писала, машину царапала, с женой разговаривала и в конце концов завоевала его. Вот и я так же решила действовать. Чтобы справедливость восстановить. Так вот. Я же секретаршей была Юрочкиной. Расписание его хорошо знала. И холопов его тоже знала. Кто куда по каким делам ездит. Кому Юрочка деньги даёт в банк отвезти, кому поручает начистить морду нечестным поставщикам.

В каких магазинах любит Юрочка отовариваться – я тоже прекрасно знаю. Ведь он меня за продуктами посылал. Ага. Так вот я последила за Юрочкой и его женой несколько дней. И узнала, в каком загородном посёлке он имение прикупил. Ну а про машину и медведя с кольцом и совсем просто было узнать.

В.С.: – Какую цель вы преследовали, Кристина Олеговна, данной запиской? И кстати, где кольцо?

О.П.: – Я хотела, чтобы Маринка поняла, что Юрочка только меня любит. А кольцо я продала и одежду купила себе и будущему малышу. Он же сын богатого отца. Не следует ему в обносках щеголять. Да и мне питание правильное нужно, витамины там всякие для ребёночка.

В.С.: – Понятно. Как вы считаете, цель была достигнута?

О.П.: – Нет. Маринка в Юрочку моего ещё больше вцепилась. И он с ней прям весь сюсю да сюсю. Тфу!

В.С.: – И что вы предприняли дальше?

О.П.: – Увидела я их в продуктовом. Милуются. Икру, сырок, сёмгу да масло покупают. А у меня деньги от продажи кольца уж к концу подошли. С голодухи живот подводит. На работу не берут – весь город в курсе, что меня Юрочка с работы попёр за непристойное поведение. Ага.

Я одна непристойная, а он белый и пушистый. Прямо ни разу со мной не сношался в кабинетике своём богатеньком. Ага. Сама я, типа, юбку задираю и на него, несчастного и беспомощного, нападаю. Ага. Насиловала прямо. Конечно. А он даже и участия в этом не принимал. Молча так сидел. Вот увидела я тогда их в магазине, и зло меня взяло. Ну почему ей всё, а мне шиш, да и тот без масла? Не, я по справедливости хочу. Вот тем же вечером я ещё одну записку написала и Маринке подкинула. Вот эту. Да. Ну и машину её поцарапала, колёса проколола. Признаю. Я тогда в аффекте была.

Я Маринкину машину белую ещё два, нет, три раза царапала, пока Юрочка не продал её.

В.С.: – Скажите, а лично вы общались с Юрием Михайловичем наедине после встречи в магазине? Когда? При каких обстоятельствах?

О.П.: – Нет. До того дня не встречались. Я знала, что его охрана на меня охотится. Но я умная, хорошо спряталась. У бабки в деревне жила, в области. Ну а когда живот бабка заметила, то прогнала меня сразу. Вот я и решила к Юрочке в офис явиться и про ребёнка сказать.

В.С.: – Оружие у вас откуда?

О.П.: – У нас когда с Юрочкой любовь ещё была, он меня к себе привозил, на квартиру, пока его жена по клиникам да курортам таскалась. Так вот, он своей коллекцией оружия хвастался. И даже пострелять возил за город. Юрочка говорил, что оружие у него старинное и с ним надо осторожно. Мне тогда один пистолетик понравился. Красивенький такой. Юрочка тоже его очень любил. Вот я и прихватила его потихоньку, когда в последний раз стрелять ездили. На память. Не знала я, что пистолетик заряжен. Попугать хотела. Не хотела убивать! Думала, приставлю к своей голове, скажу, что застрелюсь и ребёнка его убью, если Маринку не бросит и ко мне не вернётся. А оно вон как вышло!

В.С.: – Давайте поподробнее. Вы, Кристина Олеговна, утверждаете, что не знали, что пистолет заряжен?

О.П.: – Да. Не знала. Юрочка говорил, что у пистолетика дефект какой-то. Но я не знала, что от резкого движения он может выстрелить. Я ведь поугаждать только хотела.

В.С.: – Я вас правильно понимаю, что пистолет вы украли у потерпевшего в сентябре прошлого года?

О.П.: – Не украли! Что вы такое говорите! На память взяла!

В.С.: – То есть, если я вас правильно понимаю, Кристина Олеговна, вы знали, что Юрий Михайлович не предполагал продолжать с вами интимные отношения, а уж тем более скреплять их узами брака?

О.П.: – Ничего подобного! Юрочка любил меня и собирался бросить жену.

В.С.: – Но ранее вы поясняете, что пистолет взяли на память. Разве это не предполагает того, что вы знали о намерении потерпевшего прекратить ваши отношения? И именно поэтому и взяли пистолет, как вы утверждаете, «на память». Так с какой целью вы взяли пистолет у потерпевшего?

О.П.: – Не надо меня путать. Юрочка любил меня, а не эту свою бесплодную корову!

В.С.: – Попрошу вас воздержаться от уничижительных характеристик. Ещё раз спрашиваю. Где и при каких обстоятельствах вы получили оружие?

О.П.: – Я всё сказала. Повторять не буду.

3

Терёхин оторвался от чтения протокола допроса Кристины. Ой, сколько же нестыковок! Во-первых. Как выяснилось после ареста, девушка не была беременна. Да, она сильно поправилась. Но наличие большого живота ещё не означает наличия ребёнка в нём. Как объяснил психиатр, у Кристины развилась так называемая ложная беременность. Девушка просто внушила себе, что беременна, а тело подстроилось. Вот такой вот феномен.

Во-вторых. Откуда у неё оружие? Ведь такого пистолета у друга в коллекции точно не было. Уж он-то знает. Сам помогал регистрировать оружие и учил им пользоваться. Да и с другими коллекционерами знакомил. Так что байка про пистолетик на память – чушь полная.

В-третьих. Почему охрана пропустила Кристину в кабинет к Юре? Какого чёрта они несут? В туалет ходили сразу оба? В нарушение инструкции? Бред какой-то.

Ну допустим, охрану подкупили или шантажом заставили пропустить к Юре. Но тогда кто это устроил?

А самое главное – откуда у девушки оружие? Да ещё переделанное таким образом, что предохранитель не срабатывает, а спусковой крючок легко нажимается.

Терёхин достал из сейфа пакет с пистолетом, надел одноразовые перчатки. Вынул пистолет и поднёс ближе к лампе, чтобы рассмотреть как следует. Эксперт по оружию сказал, что даже если обойма выскочит, то один патрон всё равно останется в стволе. Ну-ка, попробуем. Из того же пакета Терёхин достал обойму, убедился, что в ней есть патроны, – он уже знал, что из восьми осталось семь. Вставил в рукоять до щелчка. Очень громкий щелчок. Так не положено.

Терёхин осторожно вынул обойму. Пересчитал патроны – шесть. Значит, седьмой остался в стволе. Да, такую модификацию не сделаешь на коленке. Тут очень знающий мастер по оружию нужен, да с инструментами хорошими. Значит, пистолет переделан под заказ. Чтобы выстрел был произведён в любом случае. Выходит, это не убийство по неосторожности.

Заказал кто-то нашего Юрочку. А дурочку Кристину просто грамотно обработали и подослали к нему. Даже если бы она себя застрелила, а не его, то, видимо, Юрий должен был понять, что это ему послание. И от кого – тоже наверняка бы понял.

Только вот кто заказчик? Кому это выгодно?

Терёхин аккуратно вынул патрон из пистолета, упаковал всё в пакет и спрятал в сейф. Задумался. Заварил себе чашку чая и снова взялся за бумаги.

Из протокола допроса:

В.С.: – Давайте с вами вернёмся ко дню убийства. Итак, расскажите по порядку, с самого утра.

О.П.: – Я как от бабки вернулась из деревни, всё боялась, что на квартиру охранники Юрочкины нагрянут. Поэтому сняла себе накануне другую квартиру. И даже вещи успела перевезти. Так что устала очень и проспала почти до самого обеда.

В.С.: – Точно можете время назвать?

О.П.: – Ну, часов в одиннадцать еле встала. Беременным-то ох как плохо вставать. Я бы ещё проспала, но телефон заиграл. Мать звонила.

В.С.: – Так. Хорошо. Сколько вы с матерью говорили, о чём?

О.П.: – Да ни о чём таком. Как дела? Есть или нет деньги. Какие планы на будущее? Ну и поругались чуток. Мы в последнее время постоянно из-за Юрочки ругались. Мать не хотела, чтобы я с ним жила. Не нравился он ей. Говорила, женатик он, поматросит и бросит. Но я люблю Юрочку и знаю, что он не такой. Он скоро бросит свою Маринку и женится на мне. Вон у меня живот какой большой. Скоро уж ребёночек родится. Юрочка обязательно его

признает. У меня-то точно малыш от Юрочки, а Маринка неизвестно ещё от кого нагуляла, пока по санаториям ездила.

В.С.: – И всё же давайте вернёмся ко дню убийства. После разговора с матерью что было?

О.П.: – После я завтракать пошла. Потом села телевизор смотреть. Там Юрочкин завод показывали, интервью он давал. А потом его поздравлять начали, что, значит, ребёночек будет. А я и не заметила, что пистолет Юрочкин в руке держу. Я ещё удивилась – откуда он взялся. Я же вроде из чемодана его ещё не доставала. Заплакала я от несправедливости. Маринке, значит, и муж, и богатство, и ребёночек. А мне что? Вот я и решила к Юрочке в офис пойти и про своего ребёночка рассказать. Признаться, что беременная я от него. А пистолет для храбрости взяла. В сумочку свою положила, нарядилась, накрасилась и пошла.

В.С.: – Как в офис прошли?

О.П.: (после длительной паузы) – Не помню я. Помню, как в стеклянные двери вхожу и пистолет к своему виску приставляю. А потом сразу Юрочкины глаза. Он так удивился, так обрадовался, когда меня увидел. А как я про ребёночка сказала и что застрелиться хочу, так он сразу вскочил и ко мне кинулся. Обнять, наверное, хотел. Я его тоже обнять хотела. Но тут этот дурацкий пистолет у меня в руке выстрелил. И стало темно. Ещё помню, как охранники прибежали, кричали что-то. А потом уже помню, как сюда меня везли в полицейской машине.

В.С.: – И всё? Может, что-то ещё вспомните, Кристина Олеговна?

О.П.: (после длительной паузы) – Нет. Ничего. Плохо мне. Ведь я беременная. Отпустите меня уже домой. Не хотела я Юрочку убивать. Люблю я его.

В.С.: – Хорошо. На сегодня всё. Прочитайте и подпишите.

4

Марина собиралась ехать в больницу – пришло время родов, когда в домофон городской квартиры позвонил Терёхин. Марина нажала на кнопку, впуская гостя.

– Привет!

– Привет! Я в роддом. Вот, вещи собираю.

– Не вовремя я. Ну да ничего не поделаешь. Марина, я всё знаю.

Женщина изумлённо уставилась на следователя.

– Что знаешь?

– Это ты убила Юру.

Марина зло поджала губы. А потом процедила:

– Какого чёрта? Чего несёшь? Спятил? Моего Юрочку убила Кристина. Бывшая любовница, обезумевшая от ревности.

– А вот и нет, Мариночка. Я раскусил твой план. Хоть и не сразу. Умно, очень умно. И подсказку дала мне ты сама. На кладбище.

Женщина схватилась за живот и со стоном опустилась на пуфик, стоящий у входной двери.

– Да, я понимаю, что не вовремя, но тебе придётся меня выслушать. И прямо сейчас. Ты правильно сказала – мы о тебе мало что знали. А ты, голубушка, оказывается, тёмная лошадка. Пока Юрка твой с друзьями завод поднимал и деньги делал, ты сумела втихаря выучиться на психиатра. А ещё посещала курсы по всяким там психотехнологиям, гипнозу и тому подобному. Ты умудрилась на подставное лицо открыть медклинику, предоставляющую, помимо ЭКО, и услуги других специалистов. В том числе и психотерапевта. Так что доступ к рецептам на волшебные зелья у тебя был. Это помимо твоих знаний и умений. Ты прекрасно знала, что твой драгоценный Юрочка не воздержан в своих желаниях. Ты, видимо, посчитала унижительным привязывать к себе мужа при помощи всяких там НЛП и гипнозов. Тебе хотелось чистой, нормальной любви. И кто тебя за это может осудить! А его случки с Кристиной стали для тебя последней каплей. Особенно когда эта маленькая дрянь начала тебе угрожать и утверждать, что тоже беременна от твоего мужа. Это же прямая угроза наследству и ребёнку. Вдруг в Юрочке разыграется отцовское чувство и он разделит капиталы между твоим сыном и бастардом Кристины? Нет, не для этого ты столько лет пыталась забеременеть! Не для этого ты столько лет терпела измены мужа. Я так полагаю, что с твоими обширными связями тебе не составило труда найти спеца, чуть модифицировавшего пистолет Юрочки, который он по случайности забыл зарегистрировать.

Марина встала, придерживая рукой живот:

– Коленька, всё это, ну почти всё, ерунда. Ну выучилась на психиатра и что тут такого? Подумаешь! А Юрочку я не убивала! Так что давай не будем ссориться. Мы ведь знаем друг друга с детских лет. Разве я способна на убийство! Ай! Как больно!

– Воды давно отошли?

– Час назад.

– Ну тогда у нас есть ещё время для разговора.

– Ну давай, вещай дальше, – снова опустилась на пуфик Марина. И ухмыльнулась вдруг так зло и неприятно.

– Как ты встретила с Кристиной, я думаю, не важно. Важно то, что ты поняла, что девушка психически не совсем здорова. И каким-то образом заманила в свою клинику. Там ты обработала её с помощью психотропных препаратов и внушила, что она должна застрелиться на глазах у Юрочки. Тот не дурак, сразу бы понял, кто автор самоубийства. И впредь поостерегся бы ходить налево. А то мало ли кто ещё от него забеременеет. Ведь ты, при всём своём

уме, не догадалась отправить Кристину к гинекологу и приняла её состояние за реальную беременность. А дальше дело техники. Надоумить у бабки в деревне пожить дело плёвое. Потом снова в город выманить. Правда, пришлось потратиться и снять новую квартиру Кристине.

Но оно того стоило. Квартирка на первом этаже, с отдельным входом. Ты, Мариночка, слишком недоверчива, чтобы поручать кому-либо такие деликатные дела.

Поэтому решила всё сделать сама. У нас есть видеозапись с камеры наблюдения, как тыходишь и выходишь из подъезда, где находится квартира Кристины. Только ты не ожидала, что всё пойдёт не так, как ты задумывала. Хотя, если задуматься, такой вариант развития событий тебе тоже на руку – ты единственная наследница Юрия.

Думаю, это ты прислала охранникам в офис пиццу со слабительным – мы ищем доказательства. И да, признаюсь, пока не нашли.

Когда они ушли в туалет, Кристина свободно вошла к Юрочке. Там она сделала в точности всё, на что ты её запрограммировала. Вот только Юркину реакцию ты не правильно просчитала – он кинулся спасать Кристину. И сам напоролся на пулю. Вот такой был наш Юрий Михайлович. И если бы ты хорошо знала своего супруга, то поняла, что он не даст застрелиться у него на глазах беременной, хоть и бывшей, хоть и надоевшей девушке. Вот так, Мариночка. Вот так.

– Хорошая история. Интересная. Но мне уже пора, Коленька. Ехать рожать Юрочкиного наследника.

Женщина встала и взяла сумку с вещами. На её изумительно красивом лице отражались боль и тоска. Она твёрдо посмотрела в глаза Терёхину и тихо сказала:

– Коля, будь другом, убей Кристину. Это она застрелила моего любимого мужа. Какой бы он ни был – я его любила, а он любил меня. Я это точно знаю. Так что убей Кристину. Отомсти за меня, Коленька. И за нашего с Юрой долгожданного ребёночка. Я знаю, ты это можешь. И друзья твои могут. Я всё про вас знаю. И могу доказать – документы у меня. Спрятаны в надёжном месте. Мне их Юрочка отдал ещё в прошлом году. Да и много чего рассказывал про вас. Убей Кристину, и я все доказательства тебе отдам. А мои рассказы без подкрепления документами ничего не стоят, ты же это прекрасно понимаешь.

Марина открыла входную дверь – там как раз из лифта выходил её личный охранник. Он взял из её руки тяжёлую сумку и подхватил под локоток, помогая войти в лифт.

Терёхин захлопнул дверь квартиры и устало привалился к косяку.

Какая женщина! Какая женщина!

Носки мёртвого сына

Всем погибшим в Великой Отечественной войне посвящается

Я стояла, запрокинув голову и приложив ладонь козырьком ко лбу, с надеждой выискивая взглядом в белёсом летнем небе жаворонка.

Вчера вечером, когда мы возвращались из деревенского магазина, бабушка Арина показала мне в небе маленькую щебечущую точку и сказала, что это жаворонок кувыркается. А раз он кувыркается, то завтра снова будет жарко. А раз будет жарко, то мы пойдём купаться на реку. А ещё бабушка сказала, что увидеть в небе жаворонка – это хорошая примета.

Я тогда, четырёхлетняя, не поняла, что означает слово «примета». Но что такое «хорошо» – я точно знала.

И правда, сегодня было очень жарко. Жарче, чем вчера. Ветра почти не было, а яркое солнце выбелило всё до неузнаваемости – меловые горы, дома, деревья, траву и даже высокие заросли крапивы на заднем дворе. Хотелось окунуться в холодную, чистую воду реки Оскол и плескаться, пока зуб на зуб не перестанет попадать. Плавать меня научили родители раньше, чем ходить.

В ожидании я нетерпеливо переминалась с ноги на ногу у крыльца, на котором сидела бабушка и лушила горошек для супа. Пустые стручки летели в ведро и предназначались на корм свиньям, а горошинки – в алюминиевую миску.

Но вместо этого с утра пришла тётка Нюра. Она сердито хлопнула калиткой, пересекла двор, взметнув подолом длинной ситцевой юбки клубы пыли и распугав наших кур. Что-то неразборчиво пробурчала в мою сторону. Кряхтя, быстро поднялась по ступенькам в дом, приподняв цветастый подол обеими руками и смешно оттопыривая локти. На что моя обыкновенно строгая бабушка лишь тяжело вздохнула, покачала головой:

– Горюшко-то какое! Вот горюшко-то!

Сняла с колен миску с вылуценным горошком и поставила её прямо на землю у крыльца, на радость сбежавшимся курам. Отряхнула юбку и вслед за соседкой поднялась в дом.

Движимая любопытством, я тоже поднялась по ступенькам и уже хотела было войти в приоткрытую дверь следом за бабушкой, как тётка Нюра зло приказала:

– Малая пусть на дворе останется. Нечего ей тут наши лясы слушать.

В испуге от резкого окрика я замерла на крыльце, не понимая, чем провинилась. На глаза сразу же навернулись слёзы и покатались по щекам крупными каплями.

– Не кричи на неё. Гляди вон, напужала рябёнка. Сядь, Нюра, пока в горнице. Ишь, суетная! Дочка, – крикнула она мне, – погоди маленько, сейчас приду.

И вправду, через мгновение бабушка вышла на крыльцо, где я всё ещё стояла столбом.

– Ну, чего ты? Не реви! – бабушка фартуком вытерла мне лицо и чмокнула в макушку. – На вот, поешь пока.

Она протянула мне ароматный кукурузный початок, посыпанный крупной солью.

– Осторожно! Горячий ещё! Да ты дуй сильнее! Вот так!

Я изо всех сил подула на початок, обжигающий мне ладони, забыв про испуг и слёзы. Бабушка всё утро варила кукурузу в огромном чугушке, и аппетитный запах распространялся по всему двору, вызывая обильное слюноотделение. Так что моей радости не было предела.

– Ты ешь, да смотри со двора не уходи.

Я кивнула в ответ и сразу со счастливым выражением лица вгрызлась в упругие жёлтые зёрна.

Теперь же початок был давно уже обгрызен и выброшен в мусорную яму, вырытую на дальнем конце двора, куры заперты в курятнике, кот загнан на яблоню. А бабушка всё не шла.

Становилось скучно. Солнечный жар и духота ощущались всё сильнее, хоть двор и находился в тени деревьев. Да к тому же после солёной кукурузы сильно захотелось пить.

Я подняла с земли тонкую веточку и села на нижнюю ступеньку крыльца. Подпёрла щеку ладонью и задумчиво начала выводить кончиком прутика замысловатые узоры в пыли, чтобы скоротать время. Постепенно жажда стала нестерпимой. Но входить в дом было страшно. А вдруг та злая тётя снова накинется на меня? Нет уж! Лучше где-нибудь сама поищу воду!

Решительно отбросив прутик, встала со ступеньки и направилась в сторону калитки. Вся деревня прекрасно знала, что колодец находится рядом с нашим домом. И нет ничего проще, чем столкнуть вниз ведро, которое всегда стоит на каменном бортике и привязано цепью к деревянному вороту. Потом, как это делает бабушка, нужно сбоку покрутить железную ручку, чтобы цепь снова намоталась на круглую толстую деревяшку, и из колодца поднимется полное ведро холодной, вкусной воды. Так что там точно можно напиться.

Прислушалась к голосам в доме – похоже, бабушка выйдет ещё не скоро – и побежала к калитке.

Железный запор поддался не сразу, зато потом дверь со скрипом отворилась настежь и, гулко ударившись о внешнюю сторону высоченного деревянного забора, замерла.

Я вышла на улицу и на мгновение остолбенела от восторга и яркого света. Так много всего! Прямо передо мной в обе стороны простиралась грунтовая дорога, за ней раскинулось огромное поле. А ещё дальше виднелась насыпь железной дороги и пригородный поезд, весело бегущий по рельсам. За дорогой – берёзовая роща. Бабушка говорила, что туда никто не ходит после того, как в войну там расстреляли двоих молоденьких солдат. И теперь их души воют ветром между деревьев и бродят по ночам привидениями. Я вздрогнула от накатившего страха.

Ещё дальше, за железной дорогой и огромным лугом, я точно знала, протекала река Оскол. Конечно, саму реку от дома не было видно, но мы уже несколько раз ходили к ней с бабушкой, и я прекрасно знала туда дорогу. Как же хочется поплавать! И пить!

Я огляделась в поисках колодца. Да вот же он! – обрадовалась я. И поблизости никого! Вот и хорошо! Значит, никто меня не заметит и не расскажет бабушке, что я без спроса уходила со двора. Быстренько напьюсь и вернусь обратно!

Подбежала к колодцу. Ведёрко, как всегда, стояло на каменном борту. Недолго думая, я столкнула его вниз. Ворот, громко скрипя, начал быстро вращаться, разматывая цепь, прикрепленную к ручке ведра. Наконец оно с гулким всплеском упало в воду. Я испугалась, что на шум сбегутся соседи, и спряталась за кустами с обратной стороны колодца. Но всё было тихо.

Осмотревшись по сторонам и убедившись, что на шум никто не появился, вылезла из-за кустов. Нужно было доставать ведро с водой.

Железная ручка ворота не хотела поворачиваться, как бы я ни старалась. Бабушка вертела ручку так легко и быстро! Полное вкуснейшей ледяной воды ведро в мгновение ока оказывалось на высоком каменном борту колодца. А у меня получилось лишь только повиснуть на рукояти ворота всем телом и качаться, как маленькая обезьянка. Я встала на цыпочки и попыталась заглянуть внутрь колодца. Не удалось! Слишком высоко!

Ну всё! Теперь меня обязательно накажут – ведро ведь так и осталось в колодце! От страха и отчаяния я присела на корточки, уткнулась в ладони и горько заплакала. Выплакавшись и успокоившись, я услышала, как высоко в небе поёт жаворонок. Сразу же вспомнились вчерашние бабушкины слова – раз жаворонок поёт и кувыркается, значит, всё будет хорошо!

И вот теперь, окрылённая радостной надеждой, я стояла у колодца, запрокинув голову и приложив ладонь козырьком ко лбу. Забыв про жажду и страх перед наказанием за непослушание, терпеливо выискивала глазами в небе маленькую птичку. Ведь как только я увижу её, всё снова станет хорошо!

– Дочка! Вот ты где! А мы тебя обыскались! – я не заметила, как подошли бабушка и тётя Нюра. Внутри всё сразу сжалось от страха. Ну, сейчас мне влетит по первое число!

– Дочка, ты чего? Напужал тебя кто?

Я проглотила комочек набежавших слёз и помотала головой:

– Нет.

– А чего у колодца-то делаешь?

– Пить захотела, – почему-то шёпотом ответила я.

– Эх, и как ты только защёлку открыла! Нюрк, небось ты, когда заходила, плохо калитку заперла.

Соседка дёрнула плечом и недовольно фыркнула:

– Драть их надо больше. Чтоб старших слухались.

– Сейчас пойдём, дочка. Дело у нас с тобой сегодня серьёзное, – бабушка уже ловко крутила ручку ворота, доставая ведро.

– Мы же на речку собирались! – осмелела я.

– Завтра ходим.

– Пить хочу!

– На вот! – бабушка уже достала наполненное до краёв ведро. Поставила его прямо на землю передо мной и слегка наклонила, чтобы было удобно.

Пока я пила, тётка Нюра нетерпеливо топталась рядом, не переставая сетовать на то, что дети нынче не послушные, молодёжь от рук отбилась, не то что в прежние времена. И вообще, куда теперь целое ведро воды девать?

Наконец я напилась вкусной и до ломоты в зубах холодной воды. Бабушка умыла меня и вылила воду под куст, за которым я ещё недавно пряталась. Ведро поставила на бортик.

– Ну, пошли мы, что ли?

– Идите уж! – тётка Нюра махнула рукой. – Я к тебе, Арина, вечером тогда зайду.

– Заходи, – кивнула бабушка. Поправила белый платочек на голове, печально вздохнула и взяла меня за руку.

– Горюшко-то какое! – снова сказала она тётке Нюре вместо прощания.

Несколько минут мы молча шли по грунтовой дороге в сторону окраины деревни. Бабушка всё вздыхала и поправляла платочек. Я, тоже поддавшись её мрачному настроению, всё больше смотрела себе под ноги. И даже не обратила внимания на ватагу мальчишек, с радостным гиком и присвистом пронёсшуюся мимо нас.

– Дочка, я сейчас к соседке зайду, а ты посиди с дедом Колей на скамеечке. Только смотри, больше никуда не уходи. А то домой, в город отправлю!

– Хорошо, бабушка! Я больше не уйду! – сердце моё чуть не остановилось, и я на мгновение даже задохнулась от мысли, что придётся вернуться домой, в город. Мне очень понравилось жить в деревне. Так весело, не то что в городе. Тут и речка, и поля с подсолнухами, и большой магазин, в котором бабушка покупала мне мятные пряники.

– Ну вот и пришли!

Мы стояли перед высоким деревянным забором. Крепким и глухим. Из-за него мне была видна лишь только макушка яблони и краешек серой черепичной крыши.

– Бабушка, а кто тут живёт?

– Потом как-нибудь расскажу. Сейчас вот садись и жди меня.

– Николай, присмотри за малой! – громко обратилась бабушка к мирно дремавшему на скамейке старику. Картуз его лежал рядом. Обширная загорелая лысина блестела в окружении довольно длинных седых волос. Продублённое всеми непогодами смуглое морщинистое лицо было покрыто седой щетиной, а под подбородком повисли старческие дряблые складки кожи. Голова старика покоилась на скрещённых на гладком поперечнике трости руках. Он мирно посапывал в благодатной тени высокого забора.

От резкого бабушкиного окрика старик вздрогнул и на мгновение приоткрыл один глаз. Потом снова закрыл, притворившись спящим. Бабушка подошла к нему ближе и толкнула в бок.

В этот момент из дома послышался истошный женский крик, постепенно перешедший в завывание.

– Тфу ты! – старик резко выпрямился и зло сверкнул глазами из-под кустистых седых бровей. – Опять она за старое взялась! Ну, чего стоишь? Иди уже! – грозно прикрикнул он на мою бабушку.

– А ты, Коля, кричи не кричи на меня – не боюсь я. Ты вон сеструху бы свою пожалел!

– Да чего её жалеть! Столько воды уже утекло! А она всё воеет! Не у неё одной война сынов отняла! Ты, Арина, чего пришла? Мыть её или меня уму-разуму учить? Ну и иди ужо! И без тебя учёныя! Чего стоишь тут без толку? – трясущиеся складки кожи под подбородком придавали лицу комичное выражение и делали слова не такими уж и грозными.

Я невольно улыбнулась. Моя маленькая хрупкая бабушка стояла, уперев руки в бока, и, нарочито сердито сдвинув брови, выговаривала в ответ старику:

– Ишь ты, раскомандовался! Командир! Ууу, мужичё твердолобое! Я-то пойду! А ты вот за рябёнком пригляди. Да смотри не упусти! Садись, дочка, да не робей! Не бойсь его! Дед Коля добрый! – уже ласково обратилась она ко мне.

Всем видом стараясь показать, что не боюсь, я решительно подошла к скамейке и уселась рядом с сердитым стариком. Он строго посмотрел на меня, пожевал губами, словно что-то собирался сказать, да передумал и снова уложил складки подбородка на скрещённые на трости руки. Закрыл глаза.

Бабушка, убедившись, что я хорошо устроилась, открыла калитку и вошла во двор. Щёколду за собой она тщательно заперла.

Снова послышался громкий истошный женский вой, постепенно перешедший в причитания. Аж мурашки по коже! Мне стало страшно. И чего эта женщина так кричит? В голову сразу полезли страшные мысли про привидения в берёзовой роще и сказочных чудовищ.

– Ну, ну, малая! Заробела, что ль? – я с удивлением посмотрела на деда Колю. Глаза его были закрыты, и он по-прежнему опирался подбородком на скрещённые кисти рук.

– Дедушка, а что она так кричит? Её напугали привидения? Ну те, что в роще за путями, – наконец осмелилась спросить я.

Старик немного помолчал, потом открыл глаза, выпрямился. Зевнул, перекрестив рот ловким движением. Женщина в доме снова закричала, да так страшно, что мы в испуге вытаращились с дедом Колей друг на друга.

– Может, пойдём на другую скамейку посидим? Вон у того дома? – предложил он мне. Вид деда уже был не грозный, а испуганный и жалкий.

– Нет, – замотала я головой, – бабушка тут сказала сидеть.

– Ладно, – дед почесал складки подбородка, откинулся спиной на забор, устроив ноги на трости. – Привидения! Слушай тогда, что я тебе расскажу про привидения из рощи. Знаешь, чего она убивается так?

– Нет.

В этот момент женщина закричала страшнее прежнего. Я в страхе закрыла уши руками и зажмурилась.

– Да ты уши-то открой и слухай, что я тебе расскажу. Экая трусливая!

Я опустила руки, открыла глаза и наострила уши.

– Вот так-так. Молодца, – дед Коля отставил в сторону трость, поёрзал на скамейке, устраиваясь поудобнее, и завёл неспешный рассказ.

* * *

– Было это в самом начале Отечественной войны. Нам хоть и говорили, что войны не будет, что подписан мирный договор, но все знали – война будет. И когда по радио Левитан объявил, что на нас напала Германия, бабы сразу завыли. Вот как страшно было! Не дай бог такое снова пережить!

Сразу, конечно же, объявили всеобщую мобилизацию. Это, значит, дочка, двадцать второго июня было, сорок первого года.

Ну и из нашей деревни, конечно, всех ребят и мужиков на фронт забрали. Кто по возрасту подходил. Осталась одна только молодёжь, калеки да старичьё. А вот два лучших друга, Митька, мой племян, и Володька, соседский парнишка, сильно огорчились, что их в силу несовершенного возраста на фронт воевать не берут.

В начале августа опять начали призывать. И уже тех, кто родился в двадцать третьем году. Опять незадача вышла – у наших пацанов год рождения двадцать пятый. Не положено им, значит, на фронт воевать идти. Малы ещё!

По радио каждый день сводки с фронта одна страшнее другой. Враг всё ближе. Ага. Похоронки начали чуть не с первых дней приходить. Много народу тогда погибло сразу!

Вот и в нашу хату принесли похоронки. Сперва на отца Митькиного, а следом и на старшего брата. Мать его, сестра, значит, моя, с горя сразу состарилась и поседела. А уж голосила она! Но хоть одна отрада у неё осталась – кровинушка, сыночек младшенький, любимый, Митенька.

Мимо деревни эшелон за эшелон идёт на фронт. Завидно ребятам, что всех берут на войну, а их нет. Вот и решили Митька с Володькой тоже во что бы то ни стало пойти фашистов бить – за мамок, тятёк и за Родину.

А в наш район тогда военком наезжал раз в неделю. Раз к нам, в Макешкино, раз в Слоновку. Продовольствие собрать и повестки раздать тем, у кого годики уже подходящие были, добровольцев записать.

Располагался он всегда, военком, в сельсовете. Строгий был такой, всегда с товарищами приезжал. Сам, значит, в большой комнате располагался, а у дверей конвой вооружённый ставил. Порядок соблюдал.

Повестки выписывал всегда в присутствии председателя нашего. Ну, чтобы уклонистов не было, или калеку в армию не забрать, или чахоточного. А у нас после Первой мировой много инвалидов было! Чахоточных-то мало, а вот калеки попадались. А ещё чтобы по малолетству кто не попал. За этим тогда строго следили! Чтобы всё чин чинарём.

Вот наши Володька с Митькой и не совались к военкому. Парни-то они видные были, высокие, а годиками не вышли. Председатель хорошо их знал и не пропустил бы на фронт ни за что! А вот урожай собирать они годились. Вот какой был тогда порядок! Понимаешь, о чём я тебе толкую?

Я кивнула. Конечно, я не всё понимала, но рассказ деда Коли отвлекал от страшных криков его сестры.

– Эх, малявка! – старик побряхтел, достал из кармана широких штанов пачку «Беломора», вытряхнул папиросу, сделал из одного конца козью ножку, со вкусом закурил.

– Но наши ребята настырные оказались, – продолжил рассказ дед Коля, пряча «Беломор» обратно в карман и дымя папиросой. – Враг всё ближе, уж сентябрь на дворе, а их воевать не берут. Даже добровольцами. Вот они и удумали в документах циферки с пятёрок на троечки переделать. Они тайком взяли у мамок свои метрики и подправили себе год рождения. Аккуратненько так. Комар носа не подточит. Теперь по документам они были призывного возраста. Дождавшись, когда военком приедет в Слоновку, пришли к нему и выложили свои метрики на

стол. Вот, мол, хотим Родине послужить. Военком внимательно прочитал документы, осмотрел ребят. Вроде всё сходится. И выписал им повестки.

Друзья радостно побежали по домам собираться на войну. Отправляться нужно было уже завтра рано утром с армейским обозом. Сначала в Новый Оскол, а там, на призывном пункте, их уже определяют в воинские части.

Утром смотрю, а пацаны на подводы грузятся! Котомки собрали и втихаря от мамок на фронт подались. Меня они не сразу заметили. Хотел было я ругаться и открыть их возраст военкому, но почему-то смолчал. И теперь вот всю жизнь себя корю! Мда.

Дед Коля немного помолчал, погрузившись в воспоминания и попыхивая папироской. Затем продолжил неспешно рассказывать.

– Ехать нам было недалеко. Примерно километров двадцать. Только война – это тебе не прогулка какая. Мамки рядом нету сопли подтирать.

Первые трудности поджидали пацанов уже в Слоновке. При проверке документов особист долго всматривался в бумаги, потом в лица перепуганных ребят. Наконец, поинтересовался у них, почему не комсомольцы? Возраст-то подходящий. Митька с Володькой струхнули, что сейчас раскроется обман и их с позором вернут домой в деревню.

Наконец Митька выкрутился, сказал, что, мол, комсомольцем надо заслужить стать. Чтобы не позорить партию Ленина. Что они идут за Родину, за Сталина воевать. Как заслужат, так будут проситься, значит, в комсомол. На что особист устало ухмыльнулся и отпустил ребят на отдых. Тут-то мы столкнулись, и они мне всё рассказали.

Пока мы подкреплялись, к нашему обозу присоединились ещё призывники и добровольцы. И ещё несколько подвод с продовольствием. Дальше идти нужно было пешком. До самого Нового Оскола. Так как по железной дороге почти без перерывов шли товарные поезда, гружённые под завязку. И для нашего обоза нельзя было место в вагонах найти.

Обоз наш двигался медленно, так что в город мы прибыли поздно вечером. Разместили нас на привокзальной площади, прямо под открытым небом. А осень тогда холодная была. В первую ночь мы сильно застыли. Форму-то ещё военную не выдали. Мы в своём были. В чём из дому пошли, в том и были. Не хватало тогда много чего!

Вот утром нас построили и стали отбирать добровольцев. Кого за дровами идти наладили, кого кухарить, а кого на благоустройство места расположения. То бишь на пустыре, неподалёку от вокзала.

Мы с пацанами вызвались за дровами идти. Так и повелось изо дня в день – после утреннего построения мы шли за дровами. На третий день нам, наконец, выдали военную форму. Осталось только дожидаться предписания. Ну на каком, значит, фронте фашистскую сволочь бить будем. А предписания всё нет и нет. Две недели уж как в Новый Оскол прибыли, а никаких приказаний так и не поступило. Вместо харчей только чай морковный, ночи всё холоднее – костры не спасают. А тут ещё и дожди зарядили. Одежда отсырела, у костра только что парит, а не сохнет. Солдатики почти все дохают, как собаки лают.

Ну вот, в один день оправились мы, как обычно, по дрова. Племяш мой уже сильно кашлял, аж заходился. Володька покрепче оказался, хоть и оголодали мы все к тому времени уже страшно! Пошептались они меж собой и мне, значит, говорят, что в Макешкино быстро сбегают, харчишек хоть для нас троих припасут да носки мамкины прихватят. Портянки-то ноги в кровь стёрли с непривычки! Да и голод терпеть мочи нет больше!

Ох и страх меня взял! Я-то ужо воевал, знаю порядки. Уж как я их отговаривал! Тока что на коленки не становился! Говорил им, что если командиры прознают, то дезертирами запишут. А по законам военного времени за дезертирство – расстрел. Вот так-то.

А они упёртые оказались. Талдычат одно – мол, быстренько сбегаем и дотемна вернёмся. Никто и не хватится их. Переключка-то только по утрам! И дрова поздно вечером мы в часть

отвозим на подводе. Есть время! Пока они побегут, я и сам управлюсь. Если кто спросит, я должен сказать, что они в лесу, ещё дрова запасают.

Не смог я их отговорить.

Нагрузили, значит, они быстренько подводу дровами и побежали в деревню. А я дождался вечера и медленно так пошёл тогда в часть, так и не дождавшись ребят. Сердце, значит, защемило. Чуюло оно беду! Ох, чуюло! И ноги ватные у меня сделались. Иду за подводой, еле-еле поспеваю. А лошадь, как нарочно, молодая да норовистая попалась. Пришёл я в часть, а там построение объявили. Приказ, значит, пришёл. И поезд за нами. Завтра вечером отправляемся на фронт.

Подкосились у меня ноги от страха. Что делать? Как ребят упредить? Стою я в строю и обмираю весь. А тут и переключка. Быстро так. Новобранцы так лихо выкрикивают: «Я!» Рады, что, наконец, на фронт едут. Как Володьку с Митькой вызывали – плохо помню. Так страшно было, аж кишки скрутило.

После переключки вызвал меня особист – мы же с пацанами из одной деревни. А у него вокруг стола всё командование сидит. Сразу два дезертира! ЧП! Стали, значит, они мне вопросы задавать. А я трясусь весь, про лес и дрова толкую. Мол, там они, решили побольше дровишек запасти. К ночи сами вернутся. Время, значит, оттягиваю. Авось успеют пацаны! Молодые, на ногу быстрые, хоть и оголодавшие. Им двадцать километров до Макешкино и двадцать обратно – тфу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.